

УДК 378.147:141.78

Л. И. Кирсанова¹

ИЗУЧЕНИЕ ТЕКСТА Ж. ДЕЛЕЗА «АЛФАВИТ» НА СЕМИНАРАХ СО СТУДЕНТАМИ В ЖАНРЕ ФИЛОСОФСКОГО ДИАЛОГА

В статье делается попытка дать определение философии, исходя из тематизации жизненного мира участников дискуссии.

Ключевые слова: философия постмодернизма Ж.Делеза, философия как диалог, понятие жизненного мира, феномены жизни – музыка, путешествия, спорт, дружба.

Мы предложили студентам философского факультета заочного обучения прочитать посмертное интервью известного философа современности Ж. Делеза «Алфавит». Приведем несколько аргументов для выбора именно этого текста.

1. По нашему мнению, великое восстановление философии в умах молодых людей, студентов возможно в случае перемены места, откуда проистекает мысль, приведение хотя бы в минимальное соответствие того, как мы живем, и того, что и как мы мыслим.

Выбор интервью Ж.Делеза, где в форме необязательного диалога на житейские темы путешествия, дружбы, музыки и др. философ демонстрирует свое бытие-в-мысли в контексте жизни, вполне соответствует этой идее. Удивительным образом то, что мыслит Делез, и то место, откуда он мыслит – его жизненный мир, совпадают непротиворечивым образом. Например, он рассказывает об учителе гимназии, после встречи с которым он перестал быть идиотом. Он не скрывает того, что их общение было чересчур (для школьной администрации и родителей) эмоциональным, а повторная встреча с ним, последовавшая спустя короткое время, не произвела такого огромного впечатления. Делез говорит, что он не верит в культуру, он верит во

¹ © Лидия Игнатьевна Кирсанова, д-р философ. наук, профессор кафедры философии и психологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, ул. Гоголя, 41, г. Владивосток, Приморский край, 690014, Россия, E-mail: kirsanovalidiya@rambler.ru.

встречи, понимая это очень широко – встреча с книгой, картиной, вещью. Так построено все интервью: от чего-то очень личного, частного к общим выводам, совсем не личным и не банальным. Хочется подчеркнуть, что если бы Делез оставался только логикой и смыслом, он был бы неполным. В «Алфавите» о жизни он открывается как чувственный человек, с пристрастиями своего времени, происхождения, воспитания, с пониманием свободы, войны, политики и др. Не должно, чтобы оставался радикальным разрыв между тем, что мы мыслим, и как мы живем. Из места жизни должна проистекать мысль, и тогда это место станет осмысленным, человеческим, достойным. Напротив, русские, зачастую, хотя и мыслят о высоком (склонность к домашней метафизике обнаруживается повсеместно: в дружеских компаниях, на корпоративных вечеринках, в путешествиях, на отдыхе и т.п.), но живут в грязи, в окружении абсурда и идиотизма.

2. Мы предложили студентам продумать свой собственный жизненный мир с помощью «Алфавита» Делеза. Выбор темы из «Алфавита» явился результатом эмоционального и интеллектуального совпадения читателя и автора (животное, музыка, путешествия и др.), а форма эссе – необходимостью схватить это содержание в мыслимом (тексте). Данное предложение не соответствует классической схеме философского образования: идти от мысли – к мысли, от Платона – к Гегелю и Гуссерлю и т.д. Здесь использован другой ход: от жизненного мира – к мысли. Какими нам видятся препятствия для такого рода работы: несовпадение скорости мыслительных синтезов и моментальности жизни. Жизненные впечатления – мгновенно промелькнувшее ощущение, скоротечность чувства, моментальность взгляда – уходят не в память, а в забвение. Необходим опыт удержания синтезов. Образованная, выученная мысль создает препятствия уходу чувственности, эмпиричности в забвение в форме помысленного – концепта, понятия, идеи. Но скорости не совпадают: имеется разрыв метафизики и жизни, мы существуем не там, где мыслим, и мыслим не там, где существуем. По этой причине в умах студентов историко-философская мысль остается пустой абстракцией (понятие, форма, сущность и др.), поводом для схоластических рассуждений, как попытка мыслить пустоту, ничто, нигде. Любая «старая» мысль остается свежей, если она проистекает из жизни современника, в философии это означает переход от трансцендентального субъекта – к эмпирическому.

3. Уточним условия попытки мыслить из эмпирического субъекта: это не движение от чувства к чувству, от тела к телу. Непосредственная чувственность не может дать достоверного знания, нельзя оставаться в границах эмоционального совпадения с Делезом, ибо философия не является опытом увлечения или соблазна. Между чувством автора и чувственностью читателя необходимо сохранить посредника – текст. Форма эссе заставляет студента соединять начала и концы каждой топики алфавита, удерживать структуру, добиваться осмысленности в изложении, выделять фрагменты и восстанавливать целое, оставаться герменевтическим, а значит – мыслящим субъектом. При этом за выбором статьи, характером пересказа и комментария угадываются контуры личности, увлечения, пол, то «человеческое слишком человеческое», что делает мысль живой, настоящей, трогательной, наивной.

Мы приводим «опыты» студентов в полном объеме, за исключением повторов, вызванных предварительными разговорами с преподавателем и между собой. Именование от первого лица относится к тем студентам.

Детство

Ж. Делез, рассказывая о своих ранних годах, сравнивает свою жизнь с падением по социальной лестнице до самых низов общества. Безусловно, все процессы политического и социального плана явились зримой школой жизни в становлении его мировоззрения. Нелегкое детство не стало той призмой, которая вносила бы искажения в восприятие им мира, поэтому, возможно, Делез не цеплялся за свой архив. Хотя ему не чужды патриотические и сентиментальные чувства в отношении своей родины – Довиля.

Как зерно, упавшее на удобренную почву, прорастает, так и Делез, будучи «нулем» в учебе, встретил учителя и проснулся, преобразился. Учитель Хальбвакс помог ему почувствовать что-то важное в литературе. Позднее философию он воспринял как нечто особенное, то, чем он будет заниматься всю жизнь. Политизированная атмосфера «странной войны» (немецкая оккупация) этому способствовала.

Отвечая на вопрос о детстве, Делез говорит о сходстве с письмом. Письмо – это становление, становление животным, становление ребенком, не из своего собственного детства – а из «детства мира». Делез не просто вспоминает себя в детстве ребенком, а остается ребенком мира. Отвечая себе на вопрос, что интересного в детстве, говорит: это испытать чувства ребенка, не того ребенка,

которым мы однажды были, ощутить любым ребенком вообще. Философ – это тот, кто, имея незамутненный взгляд ребенка на все многообразие мира, умеет донести до других людей свое понимание и смысл всего, кто бы помог им увидеть и почувствовать то же самое.

Преданность

Делез описывает дружбу и то, как человек ее находит. Его гипотеза состоит в том, что каждый склонен реагировать на определенный тип обаяния, восприятия, проявляющийся в жесте, мысли, даже до того, как мысль обозначается, тип сдержанности, обаяния, идущего к корням восприятия, витальным корням, – это и составляет дружбу.

Дружба – это загадка, и она связана с философией. Философ – друг мудрости. Философия – это соперничество за что-либо, а это – главное условие мысли. Людей привлекают те стороны, которые демонстрируют несчастье, где требуется поддержка, помощь. Друг – это человек, который разделит твои взгляды, протянет руку помощи.

Опера

В статье на букву «О» Делез раскрывает смысл музыки, художественного произведения. Мы можем также здесь найти отношение философа к современной музыке. И не только к музыке, но и ко всему современному телевидению.

В самом начале статьи мы сталкиваемся с утверждением Ж. Делеза о том, что музыка требует много времени у слушателя. Я могу согласиться с этим относительно только классической музыки и современной симфонической музыки. Действительно, чтобы прислушаться к музыке, на своем опыте я убедился, нужно много времени. Одного посещения концерта недостаточно для того, чтобы раскрыть для себя того или иного композитора. Но кроме времени необходим опыт восприятия подобной музыки и проводник. Хочу сказать, что после первых знакомств с классической музыкой я испытывал усталость, желание переключиться на другую деятельность. Более понятной и восприимчивой для большинства является популярная эстрадная песня.

Отношение Ж. Делеза к современной эстраде его времени (Э. Пиаф и др.) положительное. В чем он видит их успех и любовь слушателей? Самым главным моментом является момент новизны в подаче материала. Причем могут нарушаться установленные правила (фальшивые ноты), но если это звучит по-новому и гармонично, то

II. ПРОБЛЕМЫ ВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ...

этот новый момент творчески оправдан. Ведь творчество – это и есть создание нового.

Кстати, Ж. Делез дает свою оценку исполнителям 80-х годов XX века. Он говорит об их непрофессионализме, отсутствии голоса и, в конце концов, нетворчестве. Могу с ним полностью согласиться, если посмотреть на современных эстрадных исполнителей. Однако мы настолько прижились с этими песенками, что, включая радио или музыкальный канал, не просто слушаем музыку, а создаем себе настроение. Причем если нас не устраивает одна волна, мы быстро переходим на другую и т.д. В этом потоке не выделяется кто-то, все похоже. Это относится и к современному телевидению, которое заинтересовано в количестве зрителей, а не качестве программ. Телевидение развлекает, отвлекает, раздражает, усыпляет. С экрана на нас льется поток глупого юмора, пустых песен, шокирующих новостей.

Почему же эстрадные заурядные песенки продолжают появляться и интересовать нас? Здесь Ж. Делез дает свою версию: «...смысл ее, как я понял, в том, что песни возвращают нас на нашу территорию. Место (аффект), где мы обитаем, или покидаем, или возвращаемся».

Говоря о серьезной музыке, философ утверждает ее связь с космической музыкой. Композитор сочиняет не то, что он слышит, а то, что неслышимо. Так же как философ, высказывает то, что не поддается опыту, невидимо. Именно связь с космической мелодией делает классическую музыку классической, вечной.

Таким образом, музыка – это вечное возвращение. Человек возвращается туда, где был и не был, чувствовал то или иное. Музыка – это связь земли и космоса.

Путешествие

Парне объявляет тему и говорит, что это пример парадоксальности концепта, потому что Делёз изобрел концепт номадизма, но он ненавидит путешествовать. Во-первых, почему он ненавидит путешествия, спрашивает собеседница? Делёз отвечает, что ему не нравятся условия путешествия для бедного интеллектуала. Возможно, если бы он путешествовал по-другому, он обожал бы путешествия, но интеллектуалы (Делёз смеется) – что для них значит путешествовать? Для них это значит ездить на конференции, на другой конец мира, если понадобится, и все время говорить – до и после – с теми, кто тепло приветствует вас, а затем говорить с теми, кто любезно слушал вас, говорить, говорить, говорить. Так что для него путешествие интеллектуала противоположно

путешествию: ехать на другой конец земли, чтобы говорить, то есть делать то, что он может делать и дома, и видеть людей, и говорить до, говорить после – это чудовищное путешествие.

Делёз подчеркивает, что с симпатией относится к тем, кто путешествует, для него это не принципиально, он не претендует на правоту, слава Богу.

Он спрашивает, что для него путешествие? Во-первых, это всегда несколько ложный разрыв; таков первый аспект, который делает путешествие для него довольно неприятным.

Итак, первая причина – этот дешевый разрыв, и Делёз чувствует то же, что и Фицджеральд, который говорил об этом: недостаточно уехать, чтобы произошел настоящий разрыв. Что касается разрывов, говорит Делёз, то для этого есть другие вещи, помимо путешествия, потому что, в конце концов, что можно увидеть? Люди, которые много путешествуют и, возможно, гордятся этим, как кто-то сказал, находятся в поисках отца (Делёз смеется). Есть великие репортеры, которые написали по несколько книг, они побывали во Вьетнаме и в других местах, отмечали там все, но, в конце концов, они искали лишь отца (Делёз смеется). Не стоило беспокоиться... Путешествие может быть в этом смысле полностью Эдиповым, говорит он смеясь. Делёз заканчивает: «Нет, я никогда не буду этого делать!»

Вторая причина связана с замечательной фразой Беккета, которая произвела на Делёза огромное впечатление, ее произнес, скорее всего, один из его персонажей (Делёз признается, что плохо помнит цитату); лучше всего ее смысл выразить так: люди действительно глухи ко всему, кроме путешествий ради удовольствия. Делёз считает эту фразу очень подходящей: я глух, говорит он, но не к путешествиям ради удовольствия, нет, не к этому.

И третий аспект путешествия: Парне использовала термин «номад», и Делёз признает, что был очарован кочевниками, но они точно не путешествуют. Путешествуют эмигранты, и это могут быть действительно уважаемые люди, которые вынуждены путешествовать, изгнанники, эмигранты. Это тот вид путешествия, над которым нельзя смеяться, потому что это сакральные формы путешествия, принудительного путешествия. Но кочевники не путешествуют, говорит Делёз. Фактически, они остаются на одном месте, все специалисты по кочевникам говорят это. Кочевники не хотят уходить, потому что они держатся за землю, их землю. Они покидают свою

II. ПРОБЛЕМЫ ВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ...

землю, они держатся ее, они могут кочевать только по своей земле, и они могут кочевать, лишь постоянно желая остаться на ней. Так что в некотором смысле можно сказать, что нет ничего более неподвижного, чем кочевник, никто не путешествует меньше кочевника. Потому что они не хотят оставлять то место, по которому они кочуют. И именно поэтому их всегда преследуют.

И, наконец, говорит Делёз, последний аспект путешествия: у Пруста есть одно очень красивое высказывание: путешествие – лишь способ подтвердить нечто, удостовериться, что цвет, который тебе приснился, действительно существует. И он добавляет кое-что важное, говорит Делёз: плох тот сновидец, который не выясняет, действительно ли существует приснившийся ему цвет; хороший сновидец проверяет, существует ли этот цвет. Делёз думает, что это отличная концепция путешествия.

Парне говорит, что это фантастическая прогрессия, и Делёз продолжает: есть поездки, которые являются истинными разрывами. Например, говорит Делёз, жизнь Леклезиво в настоящий момент представляется как манипуляция разрывом.

Делёз произносит имя Лоуренса и затем говорит, что многие великие писатели, которыми он восхищается, создают ощущение путешествия. Стивенс – еще один пример, путешествия Стивенсона незначительны. Делёз настаивает на том, что то, что он говорит, не следует обобщать, это его личная оценка, оценка того, кто не любит путешествовать, видимо, по этим четырем причинам.

Парне спрашивает, связана ли тема путешествия с естественной медлительностью Делёза, и Делёз отвечает: нет, он не считает путешествие чем-то медленным, но в любом случае он не ощущает никакой потребности двигаться. Все его интенсивности – неподвижные интенсивности. Интенсивности распределяются, говорит он, в одном пространстве или в других системах, которые не обязательно расположены во внешних пространствах. Делёз, уверяет Парне, когда читает книгу или слушает музыку, которую считает прекрасной, действительно чувствует, что посещает такие пространства и испытывает такие ощущения, которых бы он никогда не обрел, путешествуя. Поэтому, спрашивает он, почему он должен искать эмоции в тех местах, которые ему не нравятся, если самые восхитительные из них он получает от неподвижных систем, таких, как музыка, таких, как философия? Делёз говорит, что существует геомусика, геофилософия, которые он считает настоящими странами,

его странами. Парне дополняет: зарубежными странами, и Делёз продолжает: его собственными зарубежными странами, которые он не найдет, путешествуя.

Парне говорит, что Делёз является великолепной иллюстрацией того, что движение состоит не в перемещении, и напоминает, что он все же немного путешествовал: он ездил на конференции в Ливан, в Канаду, в США. Делёз соглашается, но должен отметить, что его всегда вынуждали к этому, он больше этим не занимается, потому что ему вообще не следовало это делать: он чувствует, что и это уже слишком. В то время ему нравилось ходить, а теперь он ходит меньше, так что он больше не путешествует. Но Делёз вспоминает дневные прогулки по улицам Бейрута, когда он не знал, куда идет. Он говорит, что ему нравится рассматривать город во время ходьбы, но теперь все кончено. (Делёз кивает головой.)

Путешествие (второй вариант)

Топик (Путешествие) построен по тому же единому плану, как всё в работе Жилья Делёза «Алфавит» (или «Азбука»). Его неизменный собеседник на всем протяжении книги – Парне, объявляет тему на одну из букв алфавита, а Делез отвечает, сообразуясь лишь с потоком своих реминисценций, ассоциаций и оценок. Хотя и не без некоторой структурности ответов, выраженной в нумерации названных откликов сознания и обобщающих заключений, резюмирующих этот поток.

Почему Жиль ненавидит путешествия? – спрашивает Парне. Делез смеётся и отвечает, что ему не нравятся «условия путешествия для бедного интеллектуала», а затем уточняет, что в путешествиях интеллектуалы вынуждены «говорить, говорить и говорить», что противоположно представлению большинства людей о путешествиях, к которым он относится с симпатией, а поговорить можно и дома.

Затем Делез повторно вопрошает, что для него значит путешествие? Ответ формируется как совокупность четырех причин (аспектов), из них:

1. Путешествие – это «ложный, дешевый разрыв». Приводит высказывание Фицджеральда о путешествиях: недостаточно уехать, чтобы произошел настоящий разрыв. Затем, упоминая великих репортеров, написавших по несколько книг в путешествиях, смеясь, заявляет, что на самом деле они искали отца. «Путешествие может быть в этом смысле полностью Эдиповым». И тут же заключает, что сам он (Делез) никогда не станет этим заниматься.

2. Вторую причину иллюстрирует приведенной по памяти фразой Беккета: люди действительно глухи ко всему, кроме путешествий ради удовольствия. И тут же утверждает: я глух, говорит он, но не к путешествиям ради удовольствия, нет, не к этому.

3. Третий аспект путешествия, обозначенный Парне термином «номад», в ответ на что Делез признает, что «очарован кочевниками, но они точно не путешествуют», они остаются на одном месте, они могут кочевать, лишь постоянно желая остаться на своей земле, можно сказать, что нет ничего более неподвижного, чем кочевник. Путешествуют эмигранты, изгнанники. Это тот вид путешествия, над которым нельзя смеяться, потому что это сакральные формы путешествия, принудительного путешествия.

4. Последний аспект путешествия Делез иллюстрирует высказыванием Пруста, в котором говорится, что путешествие – лишь способ подтвердить нечто, удостовериться, что цвет, который тебе приснился, действительно существует. «Плох тот сновидец, который не выясняет, действительно ли существует приснившийся ему цвет; хороший сновидец проверяет, существует ли этот цвет». Делёз думает, что это отличная концепция путешествия.

Затем Делёз продолжает: есть поездки, которые являются истинными разрывами, наряду с которыми выделяет манипуляции разрывом (Леклезю), упоминает Лоуренса и затем говорит, что многие великие писатели, которыми он восхищается, создают «ощущение путешествия», например, Стивенсон, путешествия которого незначительны. Делёз настаивает на том, что то, что он говорит, не следует обобщать, это его личная оценка, оценка того, кто не любит путешествовать, видимо, по этим четырем причинам.

На вопрос Парне: связана ли тема путешествия с естественной медлительностью Делёза? – он отвечает: нет, он не считает путешествие чем-то медленным, но в любом случае, он не ощущает никакой потребности двигаться. Все его интенсивности – неподвижные интенсивности. Интенсивности распределяются, говорит он, в одном пространстве или в других системах, которые не обязательно расположены во внешних пространствах.

Делёз уверяет Парне, что, когда он читает книгу или слушает музыку, которую считает прекрасной, он действительно чувствует, что посещает такие пространства и испытывает такие ощущения, которых бы он никогда не обрел во время путешествия. Поэтому, спрашивает он,

почему он должен искать эмоции в тех местах, которые ему не нравятся, если самые восхитительные из них он получает от неподвижных систем, таких, как музыка, таких, как философия? Делёз говорит, что они являются «его собственными зарубежными странами, которые он, путешествуя, не найдет».

Парне говорит, что Делёз является великолепной иллюстрацией того, что движение состоит не в перемещении, и напоминает, что он все же немного путешествовал: он ездил на конференции в Ливан, в Канаду, в США. Делёз соглашается, но должен отметить, что его всегда вынуждали к этому, он больше этим не занимается, потому что ему вообще не следовало это делать: он чувствует, что и это уже слишком. Вспоминая Бейрут, Делёз говорит, что ему нравились дневные прогулки, когда он не знал, куда идет, рассматривать город во время ходьбы, но теперь все кончено.

Теннис

Признаюсь честно, я выбрал букву «Т», лишь потому, что на нее написана наиболее длинная статья. Так что я смог бы из нее хоть что-то, но извлечь.

Эпизод, где философ изящно описывает гений Борга, который изобрел стиль массового тенниса, обладающего собственными атрибутами, – игра в глубине корта, «свеча», высокие подачи – в противоположность аристократическому стилю Макинроя, с его непредсказуемыми ударами и новой формой выстраивания последовательностей подач, до того момента неизвестных.

В теннисе, даже до войны, вспоминает Делез, позиции не были одинаковыми, и его очень интересует то, что опять же связано со стилем: тема чемпионов, являющихся подлинными творцами. Делез говорит, что есть два вида чемпионов, которые не равноценны для него: творцы и нетворцы. Нетворцы – это те, кто использует уже существующий стиль и неравенство сил, например, Лендл. Делез не думает, что Лендл является творцом в теннисе. Но есть великие творцы, даже на очень простом уровне, те, что изобретают новые «удары» и вводят новую тактику. И уже за ними идет толпа последователей, но великие стилисты являются изобретателями, что можно обнаружить в любом виде спорта.

Но главное, он указывает на то, что всегда его восхищало в спорте: речь идёт об ансамбле положений тела. Этот фрагмент отмечает что-то в парадоксальной связи философии Делеза с кино. Последовательность поз или сеть линий, которые беспрестанно двигаются. Совокупность жестов или ансамбль положений. Это относится к спорту в той же мере, в какой и к кино.

II. ПРОБЛЕМЫ ВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ...

То, что диптих «Образ–движение» / «Образ–время» обозначил момент исключительной встречи с этим искусством пространства–времени, очевидно. Но что такое движение мысли, было на более глубоком уровне захвачено планами, звуками и тем, что конституирует их истинную связь, еще удивительнее.

Встреча случилась (выдержки из студенческого эссе):

«...Вот сейчас, пока еще вибрирует ощущение того, что мы рядом, что мы – это одно и то же, нет, не целое, но то, что может быть целым. Неважно, какая «буква», это игра, условность – забыли про это. Главное в другом. Понять, что это было. Текст как продукт эпистолярно-литературного жанра? Да, конечно. Но авторства не Делеза, а Парне. Или обоих... или как? Разговор, речь близкая к разговорной, ощущение, что ты третий в этом разговоре. А Делеза уже нет... Здесь пауза вполне законна, просто как дань уважению.

Еще кто-то? Четвертый. Пусть это Андрей Корбут.

Откуда это странное чувство, будто я была рядом, в разговоре и «над» ним? Возможно так – смысл был вынесен за скобки, он существовал где-то за строчками, над словами, крутился где-то между... завис в тонких сферах. Он, смысл, как воздушный шар перелетал от одного к другому, от другого к третьему. А вот этот четвертый, к нему – ревность. Ведь это от него зависело так непозволительно много, хотя он сделал все, чтобы быть нейтральным. Тот, кто снимал (Пьер Андре Бутан), был добровольно в тени, он не участвовал в разговоре, для читающего текст, он если и существует, то не имеет значения.

Мне больше понравилось про стиль, еще больше про животных. Но какие-то мысли пунктиром «бегают» сквозь все главы. Легко воспринимается личность философа, она тоже вне текста, она в самом «смысле». И в этом самом «смысле» где-то рядом я.

Бывает же такое, есть «время», оно не на двоих, оно только моё. Есть я, есть компьютер, есть текст. Нет Делеза, но встреча случилась!

Делез «не верит в культуру, скорее, он верит во встречи (rencontres), но эти встречи случаются не между людьми. Люди думают, что встречаться можно только с другими людьми, чем и занимаются интеллектуалы на конференциях. Но встречи случаются, скорее, с вещами, с живописью, музыкой. Пересечения с людьми – это вовсе не встречи, такой тип отношений обычно заканчивается разочарованием, катастрофой».

Буква «С» (Культура)

Каждый человек уникален, каждый являет собой совокупность миллионов «встреч», а также оригинальный сплав его собственных реакций на мир. В каждой личности есть и музыка и живопись и всё, что угодно. Ведь музыку сочинил Человек, картину написал Человек.

«Встречаясь» с живописью или музыкой, мы «встречаемся» на самом деле с Человеком. Но Делез, облегчая себе жизнь, очищает и укорачивает путь «встречи» с собственными эмоциями. Это так понятно и даже благородно. Ведь в этом случае он приветствует в людях только самое лучшее.

«...Довести язык до предела, услышать его как музыку. А если довести «встречу» до предела, услышать её музыку? Когда просто молчаливое присутствие устанавливает незабываемый новый градус, когда жест...»

В конце работы мы подвели некоторые итоги и сформулировали выводы. На вопрос, ради чего корреспондент спрашивает о путешествии, животном, дружбе именно Делеза, мы решили, что не ради истины путешествия и др., конечно. Ради истины философии, философствования и философа. Мы согласились с тем, что Делез говорит о сущности философии, действуя методом наведения: от музыки – к философии, от дружбы – к философии, от детства – к философу как таковому. Насколько издалека можно зайти, чтобы все-таки прийти к существу дела: что есть бытие-к-мысли, становление философом? Кажется, для Делеза не существует препятствий: о чем бы он ни начинал, он всегда говорит об одном и том же. Философия – это производство новых концептов. Творчество концептов совершается в диалоге, какой мы также попытались вести с философом. Диалог – это встреча, соперничество с чем-то, существо чего требует не знания (для этого необходима наука), не чувства (это дело искусства, литературы, поэзии, музыки), не коммуникации (этому служит экономика обменов и продаж), не морали (эти проблемы решает педагогика воспитания), но мудрости. В любви к мудрости Делез вслед за Платоном ищет обоснование философии. Любовь наталкивается на соперничество за мудрость, даже на распрю. Философский концепт – это синтез разных диалогов: разговор утомленных собеседников, принужденный разговор учителя и учеников (педагогический диалог), разговор влюбленных, ищущих взаимности у одного и того же предмета – философии. Зачем повторять одно и то же, зачем все время перестраивать храм – ради того, чтобы положить свой камень, а не Делеза.

Делез Ж. Алфавит. Совместно с Клер Парне / пер. Андрея Корбута, 2001, 2003. URL: <http://klinamen.com>.

Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? – М.: Академический проект, 2009. – 261 с.